

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ В РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: ПОИСК ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ С МОДЕЛЬЮ Г. ХОФСТЕДЕ

Ю.С. Шкурко

Аннотация. Приводятся результаты кросс-культурного исследования представлений о счастье, зафиксированные в русских и американских пословицах. Результатом проведенного исследования является частичное подтверждение гипотезы о наличии связи между активной или пассивной позицией в отношении достижения счастья и его оценкой в положительном или отрицательном ключе соответственно. В русском фольклоре значительная доля пословиц фиксирует отрицательные моменты в счастье, тогда как в американских пословицах преобладает позитивное отношение к счастью. Наблюдаются также различия в доли пословиц, рекомендующих активно или пассивно относиться к его достижению. Активное отношение к достижению счастья более распространено в американском фольклоре и менее представлено в русском. Автор предполагает, что различия в религиозных ценностях (христианских и протестантских), распространенных в русской и американской культуре, связаны с представлениями о счастье. Помимо этого, исследована связь между доминирующими ценностями, рассматриваемыми в качестве характерных особенностей культур Г. Хофстеде, и различиями в фольклорном восприятии счастья.

Ключевые слова: счастье; пословицы; кросс-культурные исследования; Хофстеде; русская культура; американская культура; фольклор.

В паремиологии считается [1, 2], что исследования пословиц – коротких фольклорных изречений очевидных истин о различных сторонах жизни людей – позволяют вскрыть национальный колорит представителей различных культур. В то же время подчеркивается необходимость дополнять паремиологические исследования другими методами и рассматривать пословицы в качестве важного, но не единственного источника информации об особенностях национальных культур.

В настоящей работе приводятся результаты исследования восприятия счастья в русской и американской культуре, а также его представление на уровне пословиц¹, интерпретировать которые необходимо с учетом указанного ограничения. Их необходимо рассматривать в качестве предположений относительно культурной специфики восприятия счастья, соответствие которых реальности нуждается в дополнительном изучении. В статье делается лишь первый шаг в этом направлении: анализируется согласованность полученных данных с особенностями двух культур, выявленных Г. Хофстеде [4–6], и с доминирующими религиозными ценностями.

В качестве источника русских пословиц был использован Словарь «Пословицы русского народа» В. Даля [7]. Несмотря на дореволюционный год издания и устаревшие формулировки некоторых пословиц («Заколодило счастье – не что возьмешь», «Счастье не батрак – за вихорь не притянешь», «Счастье вертко: набоев не набьешь»), он остается на сегодняшний день наиболее полным собранием этого жанра.

Словари, изданные более чем 100 лет спустя, например В.П. Жукова [8] и словарь под редакцией В.П. Аникина [9], не добавляют новых пословиц, а лишь представляют пословицы В. Даля сокращенным списком. В наиболее полном «Большом словаре русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева [10] приведена большая часть пословиц из словаря В. Даля, некоторые – в обновленном виде. В отличие от других упомянутых современных словарей, в нем содержится небольшое количество новых пословиц о счастье. В настоящем исследовании они не брались во внимание, однако в дальнейшем для уточнения полученных результатов их рассмотрение является целесообразным. При отборе пословиц для контент-анализа из словаря В. Даля не исключались те, которые по своему звучанию выглядят старомодными. Это делалось для того, чтобы выявить на репрезентативной выборке глубинные универсальные черты, свойственные восприятию счастья представителями русской культуры. По этой же причине не проводилось разграничение пословиц в зависимости от времени, когда они были собраны, и хождения в разных социальных слоях. Данный принцип лежит в основе отбора американских пословиц.

«Словарь американских пословиц»², изданный В. Миедером, С. Кингсбери и К. Хардером [11], был взят в качестве источника для анализа культурной специфики фольклорной репрезентации счастья в американской культуре. Этот словарь неоднократно использовался при проведении исследований, связанных с выявлением культурных особенностей, и имеет репутацию репрезентативного и релевантного для кросс-культурных исследований. Например, Вебер и коллеги [12] анализировали пословицы из данного словаря для выявления источника различий в склонности представителей разных культур идти на риск. Зафиксированные в пословицах представления о риске соотносятся с поведением представителей коллективистских и индивидуалистских культур. Представители коллективистских культур (рассматривалась китайская культура) более склонны идти на финансовый риск, так как их социальное окружение страхует от возможного катастрофического развития событий. Однако они менее склонны к социальному риску, подвергающему опасности отношения с другими людьми, чем представители индивидуалистских культур (рассматривалась американская культура).

Для проведения кросс-культурного анализа были отобраны 193 пословицы (из них 95 русских и 98 американских), в которых слова «счастье», «счастливый» являются ключевыми и в них напрямую определяется, что такое счастье и что значит быть счастливым человеком. Предварительное чтение русских и американских пословиц, посвященных описанию счастья, позволило увидеть существенные различия в тональности и характере описания счастья, что привело к формулированию гипотезы исследования: *в культурах, в которых преобладает пассивное отношение к достижению счастья, одновременно с этим выделяются отрицательные стороны в данном эмоциональном состоянии и, наоборот, тогда, когда доминирует активная позиция по отношению к достижению счастья, преобладают положительные оценки всего, что обозначается понятиями «счастье» и «счастливый».*

Отнесение пословиц к одной из четырех категорий (пассивное / активное отношение к счастью, положительная / отрицательная оценка счастья) производилось в зависимости от ключевых слов, которые в них использовались для определения счастья. Коротко рассмотрим, как это делалось.

Пассивное отношение к достижению счастья обозначает такую позицию, когда счастье и все, что с ним ассоциировано или отождествляется (например, успех, удача, душевное спокойствие, семейное благополучие), рассматривается как напрямую независящее от усилий человека, как делегированное ему другими (свыше, судьбой, везением, окружающими). Например, в русском фольклоре встречаются такие пословицы: «Счастье придет и на печи найдет», «Счастье, что трястье: на кого захочет, на того и нападет», «Счастье – вольная пташка: где захотела, там и села». Фразы «где захотела, там и села», «придет и... найдет», «на кого захочет, на того и нападет» говорят о независимости счастья от самого человека. Активное отношение к счастью, напротив, связано с убеждением, что счастье необходимо добиваться собственными усилиями. Например, в русской пословице говорится: «Всяк своего счастья кузнец», в американской – «Счастье дается тем, кто его добывается и ищет» (Happiness is for those who make it and for those who search for it). Слова «кузнец», «добываться», «искать» свидетельствуют об активном отношении к достижению счастья.

Выделение отрицательных сторон в счастье выражается в подчеркивании негативных последствий, которые с ним связаны. Например, в русской пословице сказано «Счастливым быть – всем досадить». Слово «досадить» говорит о зависти, отрицательных эмоциях, которые вызывает ваше счастье у других людей. Положительная оценка счастья подразумевает рассмотрение его как безусловное благо: «Счастье – лучшая награда» (Happiness is the best reward), – говорят американцы. Словосочетание «лучшая награда» свидетельствует о позитивной то-

нальности в восприятии счастья. В русской пословице говорится «Счастье на крыльях, несчастье на костылях»; использование при описании счастья слова «крылья» в противоположность «костылям» также свидетельствует о положительной оценке счастья.

После кодировки пословиц в соответствии с указанными категориями, частотные и корреляционные распределения исследуемых репрезентаций счастья были подсчитаны с использованием статистического пакета SPSS 17.0. Ниже представлены основные результаты, полученные в ходе проведенного исследования.

Счастье обычно рассматривается в качестве позитивного эмоционального состояния и позитивного переживания в жизни человека. Однако существуют такие нюансы в счастье, которые могут заставить усомниться в его исключительно положительном влиянии на жизнь людей. Например, противоречивость счастья, которая заключается в том, что счастье может способствовать неблагоприятному развитию событий, несправедливость в распределении счастья среди людей; наличие счастья у людей с отрицательными чертами и др. Такие сомнения встречаются в формулировках как русских, так и американских пословиц. Как показало исследование ($\chi^2 = 13,376$, $df = 1$, $p < 0,001$), отрицательная оценка счастья встречается в 46,3% русских пословиц ($N = 95$) и менее представлена в американском фольклоре (встречается в 21,4% пословиц, $N = 98$).

В русском фольклоре отрицательные стороны счастья наиболее часто связываются с риском неблагоприятного развития событий. При этом говорится, что счастье расслабляет, уменьшает критичность и контроль над развитием событий («Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда»), не является исключительно положительным для человека («Счастье, что палка: о двух концах»), указывается на ненадежность счастья («Счастью не во всем верь. На счастье не надейся!»). В американских половицах отрицательные моменты в счастье наиболее часто появляются при ассоциировании счастья с действиями, обстоятельствами жизни, которые сами по себе не выглядят как хорошие. Например, в одной американской пословице говорится следующее: «Лишенный матери муж делает счастливой жену» (Motherless husbands makes happy wife). В данном случае подразумевается, что супруг должен ограничивать влияние своей матери на семейную жизнь, однако само по себе это ограничение не выглядит чем-то хорошим, скажем, для матери. В американских пословицах отрицательные стороны у счастья выделяются реже. Это можно объяснить тем, что в большинстве американских пословиц счастье рассматривается как конкретная цель (отождествляется со здоровьем, успехом, работой, полезностью для других людей и т.п.), которую нужно достичь, поэтому эфемерность, непредсказуемость, ненадежность и другие

«сомнительные» стороны счастья воспринимаются как препятствие на данном пути, которое нужно преодолеть.

Различия между русскими и американцами наблюдаются также в позиции по отношению к достижению счастья ($\chi^2 = 40,144$, $df = 1$, $p < 0,001$). В русских пословицах пассивная позиция по отношению к счастью представлена в 62,2% от анализируемых по категории активности случаев ($N = 37$), в американских – в 6,2% случаев ($N = 74$).

Основной гипотезой исследования является предположение о связи между позицией в отношении достижения счастья и его оценкой. Данная гипотеза подтвердилась частично (таблица). Существует значимая связь между оценкой счастья и поведенческими интенциями по отношению к его достижению ($\chi^2 = 19,125$, $df = 1$, $p < 0,001$). Анализ сопряженности между категориями «пассивная позиция – отрицательная оценка» и «активная позиция – положительная оценка» не выявил однозначную картину. При активной позиции по отношению к достижению счастья однозначно позитивное восприятие этого состояния наблюдается в 55,9% случаев ($N = 111$), тогда как при пассивной позиции – только в 7,2% случаях. Примерно одинаковое количество отрицательных оценок счастья присутствует при пассивной и активной позиции по отношению к его достижению (18% и 18,9% соответственно). Таким образом, связь между активной позицией по отношению к достижению счастья и позитивным его восприятием является значимой, тогда как на основе проведенного исследования невозможно однозначно заключить о существовании связи между пассивностью в отношении счастья и преобладанием отрицательных оценок этого переживания.

Позиция в отношении достижения счастья и его оценка ($N = 111^*$)

Позиция в отношении достижения счастья	Оценка счастья					
	положительная			отрицательная		
	в русской культуре, % ¹	в американской культуре, % ²	всего, %	в русской культуре, % ¹	в американской культуре, % ²	всего, %
Активная	8,1	79,7	55,9	29,7	13,5	18,9
Пассивная	18,9	1,4	7,2	43,2	5,4	18,0

* Поскольку не все пословицы оказалось возможным однозначно кодифицировать в качестве выражающих активную или пассивную позицию по отношению к достижению счастья, количество анализируемых случаев отличается от общего количества рассмотренных пословиц ($N = 193$).

¹ $N_{\text{рус}} = 37$; ² $N_{\text{амер}} = 74$.

Как видно из таблицы, существуют различия между репрезентациями счастья в русских и американских пословицах. В 79,7% американских пословицах одновременно присутствуют положительная оценка счастья и активная позиция в отношении его достижения. В русских пословицах чаще одновременно присутствуют пассивность в отношении

достижения счастья и отрицательная оценка этого состояния (43,2% случая). Возможное объяснение полученных данных заключается в том, что в русской культуре счастье реже рассматривается в терминах конкретных событий (что, как указано ранее, характерно для американской культуры), оно скорее воспринимается как нечто эфемерное и непредсказуемое, как то, что может сделать, а может и не сделать жизнь прекраснее. Такое восприятие счастья отчасти объясняет встречающуюся в пословицах пассивность в отношении достижения счастья и смиренное отношение к своей судьбе при его отсутствии. Действительно, трудно стремиться к счастью без четкого понимания того, что это такое.

Известны также различия между доминирующими религиями в российском и американском обществе, ценности которых, вероятно, также оказывают влияние на установки по отношению к счастью. Христианство, наиболее распространенная религия в России, поддерживает смирение перед своей долей, принятие всего «как есть» и представления о превосходстве духовного над материальным. Более того, в христианстве счастье не рассматривается как абсолютное благо для человека. Большое значение придается страданиям, поскольку считается, что через них человек преодолевает пороки и борется со своими грехами, тем самым становясь лучше и ближе к Богу (однако необязательно счастливее). В таких религиозных рамках большое число пословиц, фиксирующих отрицательные моменты в счастье и пассивность в отношении его достижения, не выглядит удивительной. В то же время протестантизм, распространенный в американском обществе, ориентируется на успех, благополучие и счастье в земной жизни, которые рассматриваются в качестве проявления божьей любви к персоне. Счастливые люди в американском обществе воспринимаются не только как ведущие наиболее желательную жизнь, но и как первые претенденты на попадание в рай [13. С. 162, 163]. Такие религиозные представления близки фольклорному восприятию счастья американцами в качестве лучшего, что есть в жизни, и наиболее важной цели человеческой жизни.

Нидерландский ученый Герт Хофстеде на основании кросс-культурного исследования, проведенного в 1967–1973 гг. в 72 странах мира, выявил четыре пары показателей для определения характеристик различных культур. К ним относятся большая / малая дистанция от власти; коллективизм / индивидуализм в достижении целей и принятии решений; доминирование мускулильных / феминных ценностей; высокий / низкий уровень избегания неопределенности и готовности идти на риск [4]. Впоследствии, на основании дополнительных исследований, этот перечень был дополнен еще двумя измерениями культур: долгосрочная или краткосрочная ориентация на будущее (в 1991 г. предложил Майкл Бонд) и свободное или строгое отношение к выражению своих чувств, эмоций, удовлетворению базовых потребностей (в 2010 г.

предложил Майкл Минков) [14]. Данная модель культурных различий неоднократно подтверждалась; она претендует на универсальность и широко используется для демонстрации культурной специфики при исследовании различных сторон жизни общества.

Пассивность в отношении достижения счастья, присутствующая в значительной части русских пословиц и активная позиция в отношении его достижения, доминирующая в американском фольклоре, находятся в соответствии с оценкой Хофстеде русской и американской культур по такому показателю, как «дистанция от власти». Русская культура оценивается как культура с большой дистанцией (по этому показателю Россия находится в лидирующей группе среди стран мира) в отличие от США, где наблюдается малая дистанция от власти. Хофстеде считает, что дистанция от власти – это степень, в которой наделенные меньшей властью принимают свое положение и воспринимают распределение власти в обществе как справедливое [15. С. 88, 89]. Малая дистанция от власти говорит о том, что люди не считают само собой разумеющимся неравномерное распределение власти в обществе и полагают, что каждый может занимать высокие позиции; такое представление не распространено в культурах с большой дистанцией от власти.

Счастье можно рассматривать в качестве одного из благ, неравномерно распределенного в обществе. Такой подход распространен в социологии эмоций, где эмоции (их сила, характер, источники и т.п.) рассматриваются в качестве составляющих социальных ролей в системе социальных взаимодействий – «носители» одних социальных ролей более эмоциональны, чем другие, испытывают больше положительных эмоций и т.д. [16–19]. Тернер отмечает, что эмоции неравномерно распределены между социальными слоями, их распределение осуществляется схожим образом с распределением других ценных общественных ресурсов [19. С. 350]. С этой точки зрения счастье является одним из наиболее ценных благ. В свою очередь, счастливые люди – центр притяжения для людей и, при прочих равных условиях, оказывают большее влияние на других, чем те, кто не ощущает себя счастливым. В рамках этих представлений некоторая пассивность русских в отношении достижения счастья может быть объяснена с точки зрения ценностей культуры с большой дистанцией от власти. Рассмотрение счастья как судьбы (доли, участи, которая не всегда привлекательная), как того, что не зависит от самого человека и недоступно всем, соотносится с принятием неравномерного распределения власти (и сопутствующих ей благ) в российском обществе. Напротив, убежденность в том, что обладание счастьем не ограничено небольшим кругом людей, присутствующая в американских пословицах, находится в соответствии с ценностями малой дистанции от власти. Исследование показывает, что

в более 93% американских пословицах счастье описывается как результат активности людей, в них отсутствует оценка счастья в качестве чего-то, что незаслуженно дано человеку (такие представления встречаются в русских пословицах, например, «Счастье ездит в карете, а с умом идет пешком»).

С выявленными особенностями восприятия счастья достаточно хорошо соотносится еще одно измерение культурных различий – избегание неопределенности. Хофстеде описывает избегание неопределенности как степень, в которой люди ощущают угрозу от неопределенных и противоречивых ситуаций и стремятся их избегать [15. С. 88, 89]. Хофстеде рассматривает американское общество как характеризующееся принятием неопределенности, подчеркивая, что американцы обычно не чувствуют беспокойства по поводу неизвестности и открыты новшествам в различных областях. В то же время для российского общества характерно сильное избегание неопределенности и стремление контролировать будущее. Предполагается, что в культурах с низким уровнем избегания неопределенности люди чаще идут на риск, чем в культурах с высокой степенью избегания неопределенности [20].

Как было отмечено выше, отрицательные оценки счастья, присутствующие в русских пословицах, часто ассоциируются с риском неблагоприятного развития событий. В 31,1% русских пословиц счастье ассоциируется с непредсказуемыми и рискованными ситуациями (против 4,3% американских пословиц). В этих случаях, как показано ранее, в счастье фиксируются какие-то недостатки и в его описании прослеживаются негативные тона («Счастье – вешнее ведро (т.е. ненадежно)», «Счастье – не лошадь: не везет по прямой дорожке»). Отрицательная оценка непредсказуемости и неподконтрольности счастья с одновременной пассивной позицией в отношении его достижения может быть объяснена желанием избежать неопределенности, характерным для русской культуры. В то же время относительная редкость описания счастья в терминах непредсказуемости и неподконтрольности этого состояния в американском фольклоре, вероятно, свидетельствует о том, что в американском обществе люди не связывают счастье с риском для себя и окружающих. Счастье преимущественно расценивается как подконтрольное человеку. Оценка всего, что есть непредсказуемого в счастье (присутствует в небольшом количестве пословиц – 4,3%), дается исключительно в негативном ключе. Это говорит о том, что американцы, как русские, не приветствуют риск и неопределенность в счастье. Такая позиция отчасти входит в противоречие с оценкой Хофстеде американской культуры как открытой неопределенности.

Что касается оставшихся классических измерений культуры Хофстеде – коллективизм / индивидуализм и маскулинность / феминность, нахождение точек соприкосновений с выявленными особенно-

стями фольклорного восприятия счастья является затруднительным. В данном случае необходимо проводить дополнительный анализ пословиц с точки зрения тех областей жизни людей, с которыми ассоциируется счастье, что может быть предметом последующих исследований. Такой анализ может быть произведен через выявление ключевых слов, которые используются при описании счастья. Так, например, было бы интересным проверить предположение о том, что в индивидуалистских культурах (США) счастье определяется личными достижениями, тогда как в коллективистских культурах (Россия) счастье преимущественно определяется отношениями с другими людьми. Данное предположение высказано в работах Учида [21], Лу [22] и других исследователей.

Проявление маскулинности и феминности культур (американской и русской соответственно) на уровне фольклорного восприятия счастья может быть определено через рассмотрение характеристик, которыми наделяется счастливый человек в пословицах. Маскулинные черты, согласно Хофстеде и его последователей [23, 24], ассоциируются с качествами, которые способствуют успеху, профессиональной активности, лидерству, победам. К феминным чертам относятся кооперация с другими людьми, забота о них и взаимопонимание, ориентация на качество жизни. Иными словами, это те черты, которые стереотипно приписываются мужчинам и женщинам [23. С. 170]. Если в американских пословицах счастливый человек будет описываться преимущественно через отсылку к мужским чертам, тогда как в русском фольклоре – женским, то следует говорить о подтверждении модели Хофстеде на уровне фольклорной психологии. Предварительно мы можем сказать, что данное соответствие наблюдается по такой характеристике маскулинной культуры, ориентация на достижения. Активная позиция американцев по отношению к достижению счастья и преимущественно пассивная – русских, склоняет первых к маскулинной культуре и вторых – к женственной, что и предсказывается Хофстеде. Однако, как говорилось выше, проверка степени соответствия фольклорных представлений о счастье индивидуалистским / коллективистским и маскулинными / феминным ценностям нуждается в предварительной кодификации пословиц в зависимости от тех областей жизни и черт характера людей, с которыми ассоциируется в них счастье. Это является одной из задач последующего изучения данного вопроса.

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что предварительно сформулированная гипотеза о существовании соответствия между пассивным отношением к достижению счастья и фиксированием в этом состоянии отрицательных моментов и, соответственно, между активной позицией и доминированием положительных оценок счастья подтвердилась лишь частично. Активное отношение к

достижению счастья связано с исключительно позитивным его восприятием, тогда как нельзя однозначно сказать о наличии связи между пассивностью в отношении счастья и нахождением в этом состоянии отрицательных черт. Для уточнения того, насколько выявленные закономерности соответствуют распространенным ценностям (а не являются только специфичными для фольклорного уровня), полученные данные были рассмотрены сквозь призму двух измерений национальных культур модели Хофстеде. Избегание неопределенности и риска, также как большая дистанция от власти, свойственная русской культуре, объясняет пассивное отношение к достижению счастья. Активное отношение к достижению счастья, фиксируемое в большинстве американских пословиц, напротив, находится в русле ценностей, свойственных культурам с малой дистанцией от власти. Открытость новизне и приветливое отношение к неопределенным, рискованным ситуациям со стороны американцев, предсказываемое моделью Хофстеде, не нашли надежных подтверждений.

Согласно Европейскому и Международному исследованию ценностей [25], доля людей, которые не ощущают себя счастливыми, в России составляет 29,1% и превышает в 4 раза количество несчастливых американцев. В 2006 г. именно такое количество россиян (29,1%) на вопрос «Говоря в целом, могли бы Вы сказать, что... Вы очень счастливы, достаточно счастливы, не очень счастливы или совсем несчастливы?» ответили, что они не очень счастливы или совсем несчастливы. В то же время 7,1% американцев сказали, что они не чувствуют себя счастливыми (выбрали варианты ответа «не очень счастлив» и «совсем не счастлив»).

Связана ли разница в количестве счастливых людей с распространенными ценностями в отношении счастья? Может ли пассивность / активность в отношении к достижению счастья и фиксирование отрицательных / положительных моментов в этом состоянии влиять на оценку людьми своего состояния в качестве счастливого? Наконец, насколько устойчива выявленная закономерность «активное – положительное», «пассивное – отрицательное»? Не является ли она неявной «структурой» леви-стресского толка [26], которая укоренена в представлениях людей, часто ими не осознается и одновременно с этим оказывает влияние на поведение и установки по отношению к счастью? Влияет ли позиция по отношению к счастью на его оценку в положительном или в негативном ключе или наоборот? Ответить на эти вопросы возможно лишь посредством дальнейших исследований реальных повседневных практик людей в отношении счастья.

Примечания

¹ Некоторые результаты настоящего исследования были представлены в материалах Второй Всероссийской научно-практической конференции «Проблема индивидуальности в современной психологии», которая проходила 12 октября 2012 г. в г. Владивостоке и была организована Дальневосточным федеральным университетом [3].

² При приведении в пример американских пословиц приводится не наиболее вероятные их аналоги, присутствующие в русском фольклоре, а дословный перевод.

Литература

1. **Dundes A.** Life is Like a Chicken Coop Ladder. A Portrait of German Culture through Folklore. N.Y. : Columbia University Press, 1984.
2. **Mieder W.** 'Proverbs speaks louder than words': folk wisdom in art, culture, history, literature and mass media. N.Y. : Peter Lang Publishing Inc., 2008.
3. **Шкурко Ю.С.** Культурная специфика в восприятии счастья: контент-анализ русских и американских пословиц // Проблема индивидуальности в современной психологии : материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Виничук. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2012. С. 166–169.
4. **Hofstede G.** Culture's consequences. Beverly Hills, CA : Sage, 1980.
5. **Hofstede G.** Culture's consequences (2nd ed.). Beverly Hills, CA : Sage, 2001.
6. **Hofstede G.** National cultural dimensions. URL: <http://geerthofstede.com/national-culture.html> (дата обращения: 17.01.2014).
7. **Даль В.** Пословицы русского народа. 2-е изд. СПб., 1897.
8. **Жуков В.П.** Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. яз.-Медиа, 2010.
9. **Русские** пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М. : Изд-во худ. лит., 1988.
10. **Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.** Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
11. **Mieder W., Kingsbury S.A., Harder K.B.** A Dictionary of American proverbs. N.Y. : Oxford University press, 1992.
12. **Weber E.U., Hsee C.K., Sokolowska J.** What Folklore Tells Us about Risk and Risk Taking: Cross-Cultural Comparisons of American, German, and Chinese Proverbs // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1998. Vol. 75 (2). P. 170–186.
13. **King L.A., Napa C.K.** What Makes a Life Good? // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 75, № 1. P. 156–165.
14. **Minkov M., Hofstede G.** The evolution of Hofstede's doctrine // Cross Cultural Management: An International Journal. 2011. Vol. 18, № 1. P. 10–20.
15. **de Mooij M., Hofstede G.** The Hofstede Model: Applications to global branding and advertising strategy and research // International Journal of Advertising. 2010. № 29 (1). P. 85–110.
16. **Kemper T.D., Collins R.** Dimensions of Microinteraction // The American Journal of Sociology. 1990. Vol. 96 (1). P. 32–68.
17. **Barbalet J.M.** Emotion, social theory, and social structure: A macrosociological approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
18. **Turner J.** The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations // Sociological Inquiry. 2010. Vol. 80 (2). P. 168–199.
19. **Turner J.** The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments // Emotional Review. 2009. Vol. 1. P. 340–354.
20. **Rapp J.K., Bernardi R.A., Bosco S.M.** Examining the Use of Hofstede's Uncertainty Avoidance Construct in International Research // A 25-Year Review. International Business Research. 2011. № 4 (1). P. 3–15.

21. *Uchida Y., Norasakkunkit V., Kitayama S.* Cultural Constructions of Happiness: Theory and Empirical Evidence // *Journal of Happiness Studies*. 2004. Vol. 5 (3). P. 223–239.
22. *Lu L., Gilmour R.* Culture and Conceptions of Happiness: Individual Oriented and Social Oriented SWB // *Journal of Happiness Studies*. 2004. Vol. 5. P. 269–291
23. *Best D.L., Williams J.E.* Sex, gender, and culture // *Handbook in Cross-cultural Psychology*. Vol. 3: Social behavior and applications. 2nd ed. Boston : Allyn and Bacon, 1997. P. 163–212.
24. *Hofstede G.* Masculinity / femininity as a dimension of culture // *Masculinity and femininity: the taboo dimension of national cultures*. Thousand Oaks, CA : Sage, 1998.
25. *Integrated EVS/WVS 1981-2008 Variables*. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSIntegratedEVSWSVariables.jsp?Idioma=I> (дата обращения: 31.01.2014).
26. *Леву-Спроец К.* Структурная антропология / пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.

CROSS-CULTURAL STUDY OF REPRESENTATIONS OF HAPPINESS IN THE RUSSIAN AND AMERICAN PROVERBS: SEARCH FOR POINTS OF CONTACT WITH HOFSTEDE'S DIMENSIONS

Shkurko Ju.S. Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Nizhny Novgorod branch of the Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: kiouls@mail.ru

Keywords: happiness; proverbs; cross-cultural research; Hofstede; Russian culture; American culture; folklore.

Abstract. In this article, I present the results of research into cultural differences in the folk perceptions of happiness of the Russian and American people that enter into their actual happiness experiences. I started from the premise – widely accepted in paremiology – that proverbs are one of the important sources of such information. Based on this idea, I conducted a cross-cultural analysis of Russian and American proverbs on happiness. The research reveals differences in 1) emotional ratings of the happiness experience, and 2) behavioral expectations towards happiness. In approximately half of Russian proverbs, happiness and a happy state are treated in a negative tone, unlike in American folklore, where happiness is regarded in the traditional way, as a positive emotion. A passive position towards happiness is found in 62.2% of the Russian cases presented. In American culture, passive expectations concerning the achievement of happiness are found in only 6.2% of all cases. I discuss the correspondence between the attitudes towards happiness presented in national proverbs and actual happiness experiences, as well as the religious roots of the cultural differences in happiness experience. In particular, I consider how Hofstede's (1980) cultural dimensions of national cultures enter into the perceptions of happiness in national proverbs. The research extends the conceptions on cultural differences of the Russian and American people and contributes to the revealing determinants of the cultural differences in the happiness experience.